

ЛЕКЦИЯ • ОБЩЕСТВО

«Война обращает свободное поколение в рабство»

Лекция Дмитрия Глуховского для студентов Свободного университета

Дмитрий Глуховский, 2018 год. Фото: «Новая газета Европа»

14:49, 13 сентября 2023,

Дмитрий Глуховский

писатель

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В этом выступлении я попытаюсь обобщить свои размышления, которые я сделал относительно происходящего в России за время войны. Я перечислю открытия, удивительные и банальные, которые пришлось сделать мне самому.

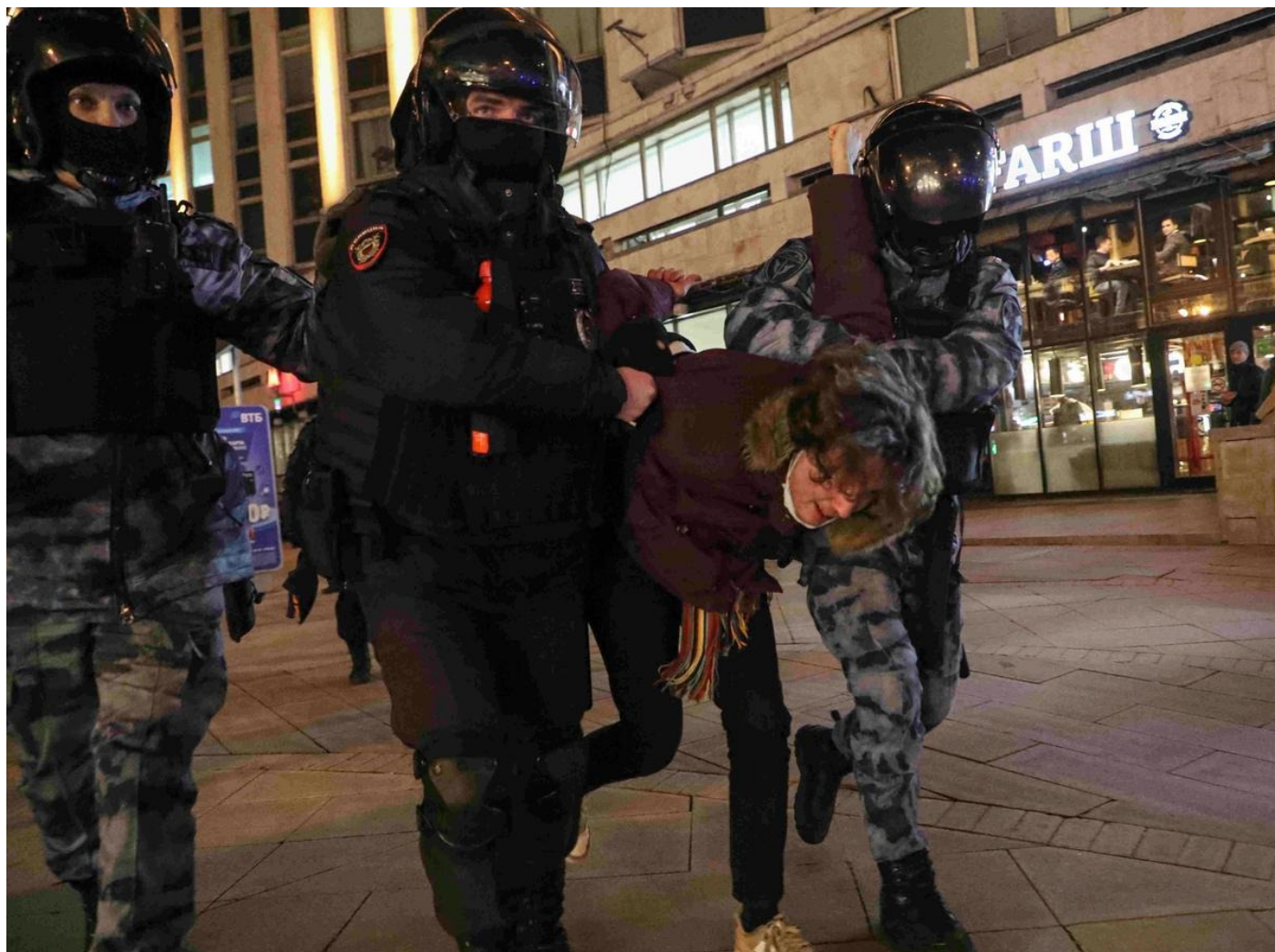
Я буду говорить о нашем с вами поколении: я включаю в него как 20-летних, так и 40-летних, тех, кто формировался по-настоящему и формируется сейчас в постсоветской реальности, которая первые два десятилетия была относительно свободной. В России мы жили как будто вне сферы идеологических интересов государства. И само государство как таковое в принципе отсутствовало. Люди, его возглавившие, дербанили страну с огромной увлеченностью. Так что народ был предоставлен сам себе.

Мы могли впервые за невероятно долгое время жить в ситуации идеологического вакуума, когда государство не диктовало гражданам, что считать правильным, что считать неправильным, что считать истиной и что считать ложью.

Мы впервые могли просто называть вещи своими именами, пока власти были заняты дележом собственности и капиталов. Но когда дележка кончилась и пришло время охранять украденное от любых посягательств со стороны народа, государство снова заинтересовалось тем, чтобы направить мысли народа в нужное русло, максимально отвлечь людей от реальности.

И со всей остротой, конечно, это всё проявилось во время войны, в первые же ее дни.

Вторжение 24 февраля 2022 года застало врасплох не только людей гуманистических и демократических взглядов, но и неполитизированных обывателей, технократов в правительстве, даже часть армии и спецслужб. Никто по-настоящему к войне готов не был, и совершенно очевидно, что никакого консенсуса по вопросу о необходимости войны не было.

Полиция задерживает митингующего во время акции протеста против начала войны в Украине. Москва, февраль 2022 года. Фото: EPA-EFE / MAXIM SHIPENKOV

Об этом можно судить хотя бы по реакциям членов Совета Безопасности, которые блеяли что-то и бледнели, когда Путин вызвал их на ковер, чтобы прилюдно замазать кровью. Они даже не могли изображать какую-то убежденность или искреннюю поддержку. Ложность предпосылок этой войны была совершенно очевидна и людям в этом зале, где их собрал Путин, и всем депутатам, которым было сказано стать

следующими поддерживающими эту войну публично и которые потом собственные жизни и карьеры поставили на то, чтобы войну поддержать.

В первые дни после вторжения мы увидели совершенно искреннее и массовое сопротивление войне. Тысячи деятелей культуры, науки, искусства, представителей профессиональных организаций подписывали массу открытых писем против войны. Все инстаграм-дивы постили черные экраны.

Всем было очевидно совершенно, что это зло, что предпосылки к войне совершенно ложные, что она ничем не оправдана. Всем было очевидно, где правда в это время.

Правда была в том, что мы напали на соседнее государство. Правда была в том, что оно ничем нас на войну не спровоцировало. Война носит очевидно захватнический характер, несправедливый, и все попытки как-то ее объяснить высосаны из пальца.

Кроме того, было ясно, что с точки зрения истории новейшей России творится зло какое-то совсем уж беспрецедентное, что страна делает шаг в направлении пропасти. Не говоря о том зле, которое, повторяюсь, совершенно необоснованно, абсолютно неспровоцированно она причиняет украинскому народу.

И несмотря на то, что в течение предшествующих восьми лет федеральное телевидение массивно пропагандировало возможность силовых методов, что все цепные псы, от Соловьева до Скабеевой, и все их псевдоэксперты пытались доказать людям необходимость, целесообразность насилия и, главное, самую возможность нарушения всевозможных табу и

начала войны против братского еще в тот момент украинского народа, никакой широкой общественной поддержки войны не было.

Может быть, десять процентов граждан, укушенных, были готовы войну поддержать, но все остальные люди совершенно к войне готовы не были. Поддержка была от людей вроде Михаила Пореченкова, который уже и так стрелял в направлении украинских войск из пулемета, или Захара Прилепина, который вообще стал одним из апологетов нового псевдосоветского российского империализма. Мы не удивились, узнав, кто войну поддержал.

Однако власть проявила настойчивость. Она разными методами воздействовала на лидеров общественного мнения, она жестко пресекала попытки мирного протеста.

Участница антивоенной акции в Москве, февраль 2022 года. Фото: Daniil Danchenko / NurPhoto / Getty Images

Напомню, более 16 тысяч человек были задержаны за участие в

антивоенных акциях протеста в начале войны. Это самое большое число задержанных за участие в акциях протеста за всю историю новейшей России. Жестокость, с которой силовики подавляли эти акции, применение электрошоков и избиения — это тоже для России в последние десятилетия было беспрецедентно в таких масштабах.

Затем власть проявила настойчивость в том, чтобы, с одной стороны, проучить тех деятелей и культуры, и общественных деятелей, и политиков, которые дистанцировались от войны или открыто воспротивились ей. А с другой — чтобы продолжить навязывать свою картину мира, в которой эта война была логична и необходима гражданам.

Мы считывали инсайдерские сигналы из финансовых структур и всего технократического корпуса российского государственного аппарата: в начале войны все были в ужасе от происходящего. Но через определенные механизмы власти удалось втравить людей в войну по той же технологии, которую Путин использовал, чтобы замазать членов Совета Безопасности, заставив их публично на камеру поддержать вторжение. Точно так же потом были включены в эту историю члены Совета Федерации, депутаты парламента, потом дальше вниз по цепочке различные чиновники вплоть до директоров школ, институтов, государственных предприятий. Они распространили гигантскую круговую поруку вниз на всю страну.

Преследование инакомыслящих развернулось по полной программе. Все мы знаем, как против артистов, деятелей искусства, режиссеров, которые позволили себе критику войны, были применены репрессивные меры. Им был выписан волчий билет, и для того чтобы вернуться в профессию, снова начать сниматься, снова снимать, снова что-то ставить, они должны были пройти определенный обряд публичного покаяния, смены позиции.

Они должны были договариваться с сотрудниками администрации президента, должны были идти на определенные шаги.

Музыкант Роман Билык (Рома Зверь) недавно пошел на это. Недостаточно просто сказать: ой, бес попутал, простите, погорячился. Надо удалить все свои антивоенные посты и потом сделать некий публичный шаг для того, чтобы распрощаться со своей прежней репутацией. Как Рома Зверь — поехать в Донбасс, там пожмуриться, когда стреляют, и спеть что-то невидимым бойцам видимого фронта.

Роман Билык (Рома Зверь) во время поездки в ДНР. Скриншот WarGonzo

Так власти удастся настаивать на абсолютно лживой версии событий, в которой это не российское государство, исходя из личной заинтересованности своего президента, начало войну против украинского народа и навязало ее россиянам, а это Россия была вынуждена обороняться от Украины, оказавшись загнанной в угол: потому что гуси распространяют

радиоактивный СПИД против славян русского происхождения, украинцы разрабатывают атомную бомбу, да и вообще они на самом деле первые напали.

Шла бесконечная смена и прощупывание версий в поисках той, которая бы могла найти хоть какой-то отклик в душах и сердцах народа. Очень интересно понять, как именно осуществляется перепрошивка умственной операционной системы россиян, буквально в терминах нейролингвистического программирования, и не только обычных людей, но и спикеров, представителей истеблишмента, политического класса, государственного аппарата. Как деятели пропаганды программируют свою паству, да и самих себя через внедрение новояза. Как идет отступление от очевидных истин и как самоубеждение людей в истинности лжи происходит посредством языка.

Это не какое-то современное изобретение, это уже было, и в гитлеровской Германии использовалось очень активно.

Называние откровенно людоедских действий власти каким-то новоизобретенным термином принуждает людей к произнесению этого термина и позволяет программировать сознание.

Самый очевидный пример здесь — это именно «специальная военная операция», СВО, которая заменяет слово «война», запрещенное слово. Изначальный генезис этого термина, с моей точки зрения, связан с тем, что в соответствии с законом о специальной военной операции власть имеет право держать в полном секрете цифры собственных жертв и потерь и цифры жертв и потерь противоположной стороны, в том числе среди

гражданского населения, потому что всё, что специальное, укрыто завесой тайны и нет никакой обязанности со стороны власти что-либо здесь декларировать.

Дальше принуждение к использованию термина «СВО» обрело характер навязывания маркера «свой-чужой» гражданам. Если ты называешь это войной, то подлежишь наказанию.

Несколько человек, включая меня, были публично высечены, наказаны за называние очевидного очевидным. Называешь это войной — вот тебе срок за дискредитацию армии Российской Федерации. Сам по себе закон, который называется «закон о дискредитации вооруженных сил», на самом деле запрещает не дискредитацию, но накладывает запрет называть вещь своим именем. Закон о том, что ты распространяешь правдивые сведения о военных преступлениях российской армии, назван законом о распространении заведомо недостоверных сведений.

Задержание во время акции протеста против мобилизации, Москва, сентябрь 2022 года. Фото: EPA-EFE / MAXIM SHIPENKOV

В нацистской Германии, например, ни в коем случае, даже среди лиц, непосредственно к этому причастных, нельзя было называть истребление еврейского народа казнями или убийствами. Вокабуляр был очень строго регламентирован. В частности, казни назывались «особыми мерами».

Окончательное решение еврейского вопроса подразумевало геноцид и истребление. Это можно было назвать исключительно вот в этих терминах. В фильме венгерского режиссера Ласло Немеша «Сын Саула», который описывает происходящее в Освенциме, показано, что узники лагеря не имели права называть тела убитых евреев телами, или людьми, или трупами. Нужно было использовать слово «вещь». И немецкая охрана очень настаивала на том, чтобы это называли словом «вещь».

Через какое-то время произнесение вслух определенным образом названий вещей или явлений начинает формировать твое сознание. Если ты понимаешь, что лжешь, называя войну «специальной военной операцией», это вызывает у тебя когнитивный диссонанс. Делается это, конечно же, через принуждение, через угрозу репрессий. Насаждается именно для того, чтобы привести людей к конформности, чтобы подавить сопротивление и мысли о сопротивлении через соблюдение ритуала, который заставляет тебя в ежесекундном режиме, по крайней мере каждый раз, когда ты говоришь на эту тему вслух, отказываться от своих убеждений.

Когда ты публично вынужден замалчивать правду или, находясь в публичном пространстве или даже в компании относительно близких людей, называть войну «СВО», зная, что именно этого требует от тебя власть, и зная, что власть запрещает называть войну войной, ты каждый раз сам себе свой хребет гнешь.

Ты его гнешь, гнешь, и либо ты станешь

гуттаперчевым от этого, либо хребет у тебя хрустнет.

Из-за того, что ты испытываешь когнитивный диссонанс, это ощущение неприятное. Ты понимаешь, что наступаешь на горло собственной песне, отказываешься от своих собственных принципов, ты стараешься всего этого избежать. Но если, с одной стороны, это подкрепляется репрессиями, страхом наказания, рисками, и ты не можешь в эту сторону ступить, потому что боишься потери работы, потери свободы, может быть расправы, то ты начинаешь двигаться в другую сторону. Ты, чтобы не чувствовать себя лжецом и трусом, чтобы не подрывать основы собственного мироощущения, где ты желаешь видеть себя человеком правым и правильным, начинаешь убеждать себя в верности аргументов, на которых зиждется оправдание насилия, заведомо лживых аргументов, лживость которых ты прекрасно понимал вначале. Ты начинаешь искать аргументы, которые позволят тебе подвергнуть эрозии собственную прежнюю позицию и укрепить в этом диалектическом поединке позиции той стороны, которая угрожает тебе насилием. И, мне кажется, вот на этом строится конформизм.

С точки зрения социальных психологов, я, вероятно, произношу какие-то банальности, но это всё личные тривиальные открытия, сделанные мной на протяжении последних полутора лет, когда я наблюдал интроспективно и за тем, какие ощущения я проживаю, и за тем, как меняется и поведение, и риторика людей, прежде всего в России, остающихся в стране по своему выбору или вынужденно.

Ты начинаешь подвергать сомнению возможность истины как таковой, говоря себе, что нет истины, есть только точки зрения. И точка зрения равна другой точке зрения. Да и то, что Путин

видит мир вот так, словно там всё еще продолжается холодная война или словно Вторая мировая не заканчивалась, это теперь как будто бы валидная точка зрения. Хотя мы прекрасно понимаем, что пока он эту реальность не реализовал путем масштабного кровопролития, пока он не вызвал эту реальность к жизни, она существовала исключительно в его воображении.

Владимир Путин на встрече с военкорами, июнь 2023 года. Фото: Kremlin.ru

Мне кажется, что этот процесс переламывания себе самому хребта является желаемой целью властей, необходимой для диктатуры. Смысл здесь не просто в том, чтобы заставить людей вслух соглашаться с войной, а в том, чтобы они над собой эту процедуру проделали, чтобы они сами себя переубедили, чтобы они заставили себя поверить в заведомое вранье.

Этот факт переубеждения себя, процесс убеждения себя в истинности вранья — самоунижение, на которое ты идешь, прекрасно на самом деле все понимая, делаешь это, исходя из страха или из соображений выгоды, отказываясь от совершенно очевидных истин. Убеждение себя в истинности вранья ради

выгоды или из страха — вот этот процесс, и есть процесс самообращения в рабство.

За прошедшие 30 лет из-за недогляда власти, которая, повторюсь, была увлечена бизнесом, выросло поколение, предоставленное само себе и относительно свободное. И это поколение нужно было снова призвать к сапогу. Это поколение нужно было прижать к ногтю, обратить его в рабство, потому что это было поколение не рабское.

Опыт самостоятельного сгибания себя, опыт переламывания себе самому хребта — это и есть опыт обращения нынешнего поколения в рабство.

Любой человек испытывает острую необходимость просто для поддержания психоэмоционального баланса ощущать себя на стороне правды, ощущать себя в целом хорошим, добропорядочным человеком. Тебе предлагают при этом оправдывать массовые убийства, бомбежку городов, убийство гражданских жителей, принимать войну против страны. И это учитывая, что Украина — не какая-то абстрактная страна, а страна соседняя, где люди выглядят точно как ты, живут в точно таких же квартирах, с такими же коврами на стенах. Усилия требуются серьезные для того, чтобы объяснить себе, что так и надо.

Власти, понимая, разумеется, тотальную аморальность всего, что творят, судорожно пытаются найти обоснование, объяснение своим людоедским действиям.

Реальный мотив здесь заключается в том, что эти люди боятся потерять всё, Путин боится потерять власть, Путин боится

столкнуться с невозможностью передать свои завоевания и накопления следующему поколению этой своей наследственной, как они предполагают, новой аристократии. Отсюда необходимость остановить те естественные процессы развития в российском обществе, которые происходили в последнее время.

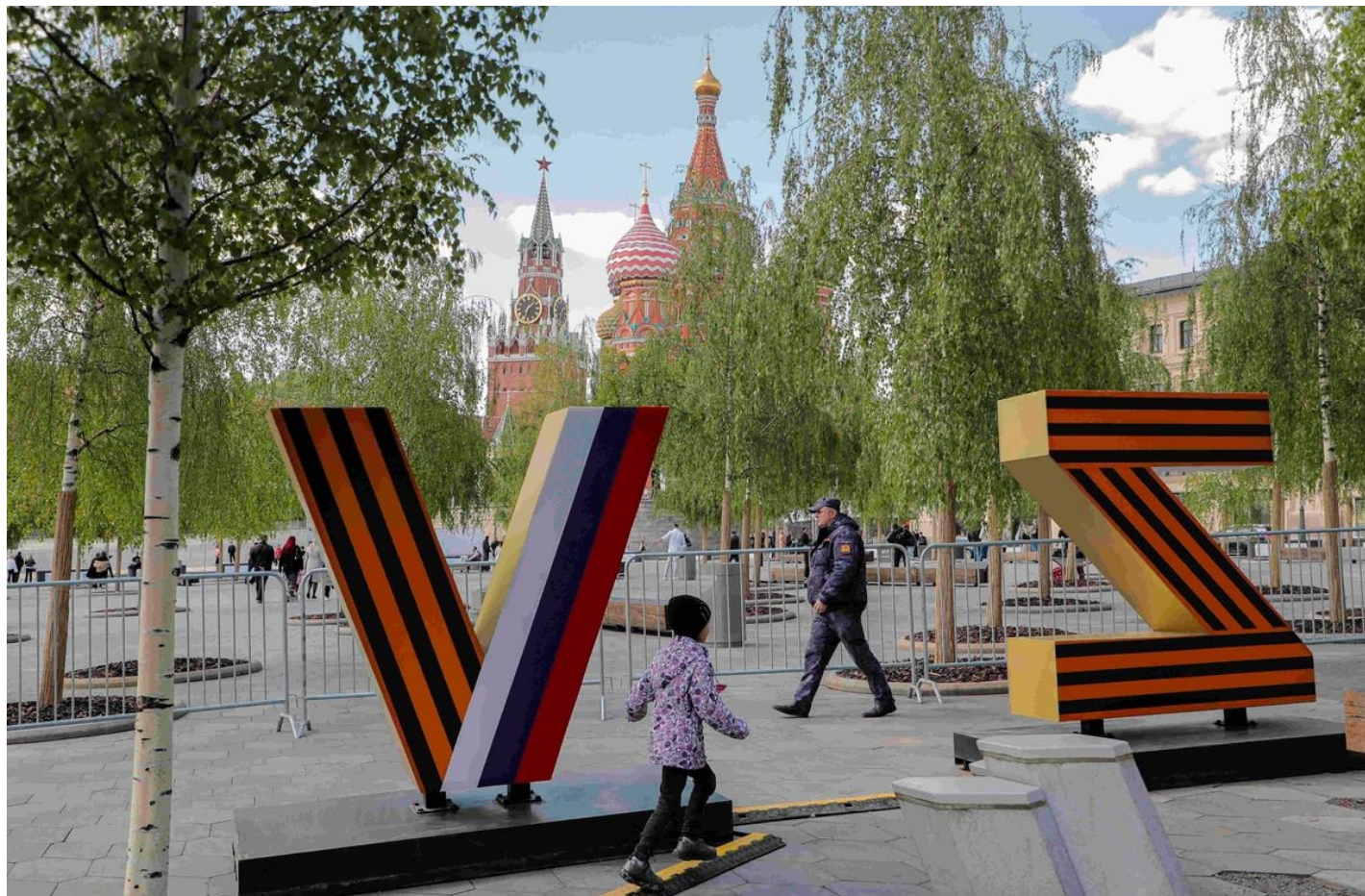

Фото: EPA-EFE / MAXIM SHIPENKOV

Тем не менее, обосновывая необходимость сакрализации власти через кровь, они играют в опасную игру. Они должны объяснить людям, что кровь проливается не напрасно, что всё это оправдано, что другого выбора не было и что Россия находится на правильном пути, что люди гибнут не зря. Самым действенным способом стало переворачивание реальности с ног на голову и самовиктимизация. То есть представление себя вместо агрессора, которым, разумеется, российская власть и Россия как государство являются, — жертвой. Отсюда истории о том, что, дескать, нас в это во всё втянули, нам не оставили

выбора западные партнеры Украины, мы были вынуждены реагировать, мы защищаемся, мы не нападаем.

То, что это совершенно с фактами никак не сходится и никакой проверки реальностью выдержать не может, не имеет значения, потому что гораздо важнее здесь та эмоция, которая подбрасывается людям, и упоительность переживания этой эмоции, которая совершенно затмевает неубедительность аргументации. Прежде всего это эмоции обиды, ресентимента и мести, навязывание народу ощущения себя как жертвы, которая тем не менее способна теперь каким-то образом за свои беды отомстить. Само это ощущение настолько сильно и настолько ярко переживается людьми, которые унижены собственным государством, что способно приносить удовольствие. Как наркотическое вещество, оно дает им упоение, и отвлечение, и временное избавление от тревог и болей.

Поэтому пропаганда не то чтобы убедительна, но она заразна, и она справляется со своими функциями, несмотря на то, что сегодня она врет одно, завтра другое, заставляет людей забыть о том, о чем врала вчера, и не особенно тревожится по поводу убедительности своей аргументации.

Потому что сила эмоции и упоительность важнее, чем факты. Однако шаг за шагом происходит отдаление от правды, и от этого возникает, разумеется, диссонанс.

На самом-то деле русский народ находится в вечном поиске правды, и этот вечный поиск, разумеется, связан с тем, что государство вечно водит своих людей за нос, потому что государство это всегда управлялось узурпаторами и обманщиками. И чтобы защитить себя от обездоленного народа,

ищущего справедливости и просто человеческой жизни, эти узурпаторы и обманщики отвлекают его тем, что городят фундаменталистские псевдорелигиозные конструкции, вызывают демонов ксенофобии, морочат народ великодержавным шовинизмом, фетишизируют территориальные завоевания.

И тем не менее каждый раз, когда лживость той позиции, которую по требованию государства человек должен занять, начинает резать глаза, людям необходимо этот диссонанс как-то преодолеть. Им необходимо доказать себе, что они принимают то или иное решение, не исходя из шкурных соображений — чтобы не потерять работу, например, чтобы не быть отравленными или посаженными. Потому что это заставило бы их признать в себе низменные качества: трусость, жадность, малодушие и так далее.

Люди начинают приписывать своему шкурному или связанному соображениями самосохранения выбору какую-то моральную составляющую, моральную подоплеку. Так, те, кто уехал из России, объясняют себе, что уезжают не потому, что боятся за себя и своих детей, а потому, например, что не хотят разделять это будущее с диктатурой. Те, кто остаются, наоборот, говорят, что они проявили мужество, оставшись, а не побежали из страны, как некоторые. Те, кто поехал на фронт, объясняют, что они делают это не потому, что им платят 400 тысяч рублей за убийство других людей, а потому что они родину защищают, потому что они мужики, настоящие герои.

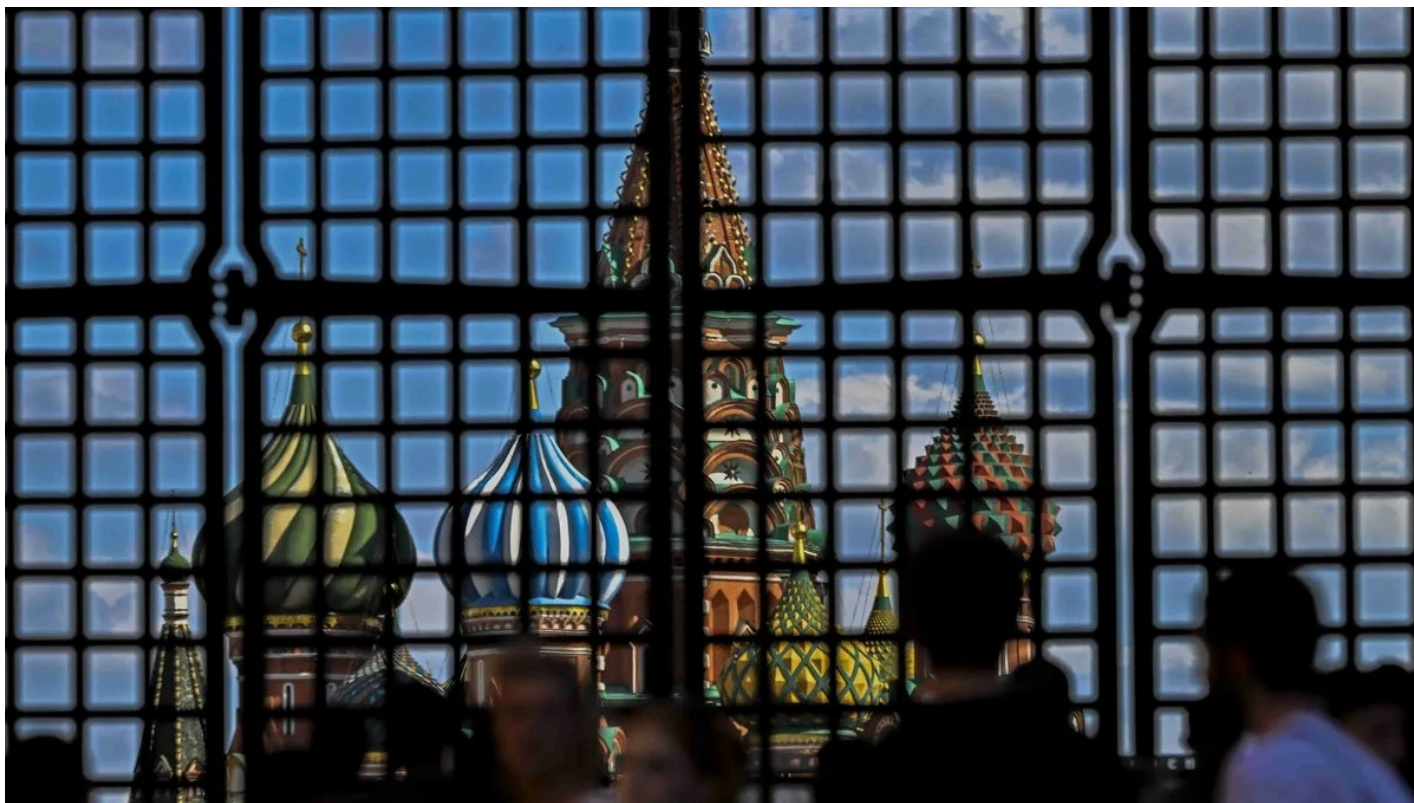

Фото: Sefa Karacan / Anadolu Agency / Getty Images

Человеку, вне зависимости от того, какое он решение принял, видимо, необходимо подвести моральную базу под это решение, чтобы не признавать и не признаваться себе в том, что оно принято по соображениям другого порядка, самосохранения или выгоды.

И кроме того, надо понимать, что любая диктатура — это прежде всего сила.

Выбор здесь не между правдой и ложью, а между правдой и силой. Убедительность всех этих ложных, полубредовых построений, на которых зиждется любая диктатура, система воображаемых координат, новояз, этот волапюк, который форматирует сознание, принуждая людей к покорности, — всё это убедительно постольку, поскольку подкреплено силой.

Такие государства должны всё время проецировать силу: угрожать насилием и осуществлять насилие. Диктатор убедителен,

пока он силен. Как только он ослабел, его сразу начинают высмеивать.

Вот говорят: а король-то голый! И все в шоке от удивительного открытия, сделанного маленьким мальчиком. Неужели до этого мальчика никто не видел, что король голый? Разумеется, видели-то все. Дело не в том, что никто этого не видел. Дело в том, что было очень страшно сказать это вслух, чтобы голову за это не отрубили. Но если у короля случился инсульт и он упал с трона, в этот момент всем становится совершенно очевидно, и все хором говорят: да, голый, посмотрите-ка! Потому что не страшно в этот момент уже стало.

Это одна история. Другая история заключается в том, что, примкнув к силе, потому что ты себя ощущаешь слабым, и согласившись с аргументацией силы, даже если она очевидным образом правду нарушает, ты начинаешь эту силу оправдывать, потому что ты должен морализировать свою позицию, свой выбор, и ты не можешь признать, что находишься на стороне зла. То есть, примкнув ко злу, ты начинаешь объяснять себе, что это, в сущности, и не зло вовсе. У тебя возникает серьезная потребность в оправдании этого зла — из потребности к самооправданию.

И вот ты говоришь себе: «Всё не так однозначно». Это «всё не так однозначно» на самом деле означает, что ты отказываешься считать, что в этой ситуации вот тут безусловное добро, а тут безусловное зло, тут черное, тут белое, тут мы, тут они, и вот так поступать правильно, а вот так — совершенно точно нельзя.

Но если ты примкнул уже к силе или готовишься к ней примкнуть, то, как только ты это признал, получается, что ты находишься на стороне зла. И даже если ты просто со злом не споришь, то тоже на стороне зла находишься.

А вот если ты говоришь, что всё не так однозначно, значит, нету в этой ситуации никаких двух полюсов. Нет хорошего, нет плохого, нет черного, нет белого. И ты сам, дескать, находишься на стороне черного, на стороне зла, не потому что страшно тебе за себя, или потому что выгодно находиться на стороне зла, а потому что другая сторона не является стороной добра.

Соответственно, если они не белые, то и ты не черный, а все серы, а если все серые, то это ощущение нахождения на стороне зла перестает разъедать тебя. И именно чтобы оно тебя перестало жечь, ты так отчаянно цепляешься за любые возможности доказать себе, что в той стороне тоже есть зло.

Ты говоришь: ну посмотрите, вот украинцы замучили российского военнопленного. И это дает тебе силы и уверенность в себе, чтобы продолжать работать на российское государство. Ты доказал себе, что они не добрые и не хорошие, что они такие же, как ты. А если они такие же, как ты, значит, нет никаких полюсов и нет никакой правды. Необходимость эрозии самой концепции истины тоже происходит отсюда.

Ты говоришь: нет никакой правды. И правды быть не может. Поэтому то, что я лгу, не делает меня ничем, как бы, отличающимся от противника. Противник ведь тоже лжет!

«Всей правды мы не узнаем». Это что значит? Что установить истину невозможно. Что истины словно не существует в принципе. И то, что кто-то у нас там привирает, и то, что я сам привираю, не делает меня сознательным мерзавцем. Потому что правды не существует как возможности, как концепции. Это недостижимый идеал. Поэтому все могут врать. И я могу врать. И, соответственно, распространяя ложь, я не совершаю ничего заведомо аморального. И тем более если я притворяюсь,

что верю в ложь, хотя понимаю, что это ложь.

Другая стратегия того, как избежать переживания себя как занявшего сторону зла, — выученная беспомощность. Это когда ты говоришь: я ничего не могу изменить, от меня ничего не зависит. Поэтому я отказываюсь занимать здесь какую-либо позицию. Я просто продолжаю жить тут какую-то мою маленькую жизнь.

И мы это в Москве и Петербурге сейчас наблюдаем: отказ занимать позицию относительно сильной, насильственной стороны, даже если это заведомо зло и заведомо ложь.

Ну и на крайний случай это приписывание своих грехов силе обстоятельств: когда ты говоришь, что, мол, не мы такие — жизнь такая. И это вот, собственно, тоже желание себя оправдать. Да, мол, приходилось работать в концлагере, хоть и сам заключенный, — охране помогать, но так, на побегушках. Ну а что поделать? Или так, или самому умереть!

Невозможно признать, что ты примкнул к злу. И мы видим, что, хотя Россия творит безусловное, неопровержимое, задокументированное многократно зло, большая часть жителей страны научилась это в лучшем случае игнорировать, а в худшем — поддерживать, хотя бы и декларативно. А некоторые поддерживают — повторяюсь, с моей точки зрения, это меньшинство — искренне, но по другой причине.

У перехода на сторону зла и на сторону лжи есть долгосрочные последствия.

И когда морок рассеется и Владимир Владимирович Путин отправится в мир иной, ничего не кончится для людей, которые на

сторону зла перешли, перешли на сторону лжи.

Во-первых, жизнь без хребта невозможна без отказа от веры в этику, в существование добра и зла, в существование допустимого и недопустимого. В качестве защитного механизма, механизма эмоционального и когнитивного приспособления люди вырабатывают у себя цинизм. И мне кажется, это дорога в один конец.

Я начинаю сейчас думать, что люди из поколения чуть старше моего, поколения 50-летних, как и путинское поколение, настолько циничны именно потому, что им самим пришлось в свое время отказаться от веры в то, что возможно добро и возможно зло. Циничны они потому, что они формировались в условиях тотальной лжи, навязанных невозможных и абсурдных декларативных норм и принципов, неприемлемых и презираемых и дома, и в семье, и в неформальном кругу общения и так далее. То есть у них имеется опыт двоемыслия — как результат прежнего принуждения их советским государством к публичному декларированию заведомой лжи, эрозии системы этических координат, здоровых базовых представлений о добре и зле. И как итог — допустимость зла, готовность людей этих поколений терпеть зло.

Смена позиции через личные жертвы может привести к отчаянной защите новой позиции, даже если позиция эта раньше казалась тебе совершенно ложной. Вот был ты к Сталину нейтрален, а потом у тебя забрали и репрессировали членов семьи, и, чтобы сохранить себя, ты начинаешь убеждать себя в том, что эта потеря была оправдана, что твои родные сами были во всем виноваты, что, действительно, они были троцкистами или английскими шпионами, или недостаточно Сталина любили. И если тебе удастся себя в этом убедить, то ты,

пройдя через такие огромные личные жертвы и настолько себя унизив, сломав себе собственными руками хребет с таким громким хрустом, занимаешь эту позицию теперь уже со рвением. Вот объяснение феномена сталинистов среди тех, кто сам пострадал от репрессий. Невозможность признать напрасной жертву отказа от себя самого.

То есть ждешь, что каждый, вернувшийся теперь с войны, с фронта, потерявший руку, ногу или товарища, или матери, потерявшие своих сыновей, станут непременно противниками государства, нельзя. Может быть и наоборот. Чем бессмысленнее жертва, принесенная человеком, тем больше у него необходимость эту жертву себе объяснить, придать ей смысл. И учитывая, что это требует от тебя определенных усилий и происходит, повторю снова, через переламывание хребта самому себе, в этом случае позиция, которую ты занял, оплаченная кровью твоих близких людей, твоими собственными страданиями, унижением себя, может оказаться гораздо более истеричной и твердой, чем позиция, принятие которой не стоило тебе ничего.

А примыкание к силе, присоединение ко злу освобождает темные стороны человеческой души, и в особенности подвержены этому люди, сами однажды перенесшие унижение и травмированные этим.

Наконец, надо признать, что люди, примыкающие к силе, ко лжи и злу, на самом деле довольно много выигрывают, потому что освобождают себя тем самым от массы ограничений, этических ограничений, которые стесняют человека, рвущегося к определенным благам. И кроме того, злая сила обычно щедро вознаграждает своих сторонников, желая коррумтировать новых адептов.

Когда ты становишься на сторону зла, ты приобретаешь свободу чинить самоуправство и забирать блага у людей, находящихся

по другую сторону баррикад. У любого геноцида всегда есть экономические мотивы. Занимаешь ли ты хату представителей народа тутси, забив их мотыгой, или выдираешь золотые зубы у людей в Освенциме, или отнимаешь состояние у гугенота, будучи ревностным католиком, — всегда имеется внятный дополнительный стимул. На одной лишь животной ненависти к представителям других групп далеко не уедешь.

Людам, которые познали свободу, даваемую злом, познали власть, даваемую силой, оказывается сложно вернуться к скучной, обычной добродетельной жизни. И в искренности раскаяния эсэсовских офицеров, и в искренности раскаянии большевистских палачей приходится сомневаться. Я думаю, что никто из них ни в чем искренне не раскаивался. Наоборот, они очень скучали по тем временам, когда такое было допустимо и возможно.

Завершить хотелось бы прогнозом для России. Мне кажется, что прогноз в этом плане, наверное, не катастрофический, но и не утешительный. Я думаю, что вот этот опыт принуждения личности к уверованию в заведомую ложь, унижения публичных людей, растаптывания их чувства человеческого достоинства, это приглашение их к пресмыканию, которое они пока всё ещё достаточно неохотно, но всё более массово, как мы видим, принимают, безусловно, сформируют у нас очередное поколение циников, людей, способных к двоемыслию.

Пусть хотя бы не рабов: я буду последним, кто поверит в то, что русский человек раб генетически.

Я считаю, что условное «поколение Дудя» — это поколение людей, свободно и глобально мыслящих, стремящихся к свободе человеческой жизни и глобальному миру.

И именно в том, чтобы этих людей снова загнать в рабство, и заключалась цель замазывания русского народа кровью украинского народа, в этом и заключался план развязывания войны. Сама по себе Украина России не нужна, территории эти не нужны, население это не нужно. Нужно обеспечить покорность своего собственного народа еще на поколение вперед, что, собственно, и проделывается.

Хочется только верить, что хотя бы фигой в кармане наш человек сможет какое-то пассивное, тайное сопротивление этому всему оказывать. И — не сожранным и не жравшим других людей — переждать под корягой эскапизма и уклонизма очередной этап помрачения рассудка российского государства.

Свободный университет — сообщество преподавателей и студентов, учрежденное в Москве летом 2020 года после волны политических увольнений из Высшей школы экономики. Большая часть программ и курсов университета бесплатна для всех слушателей, все курсы проводятся онлайн без каких-либо ограничений для слушателей. После начала войны, «письма ректоров» и разгрома российских университетов Свободный университет остался крупнейшей независимой площадкой, работающей с программами высшего образования на русском языке. В марте 2023 года Свободный университет был признан властями РФ «нежелательной организацией». В сентябре 2023 года Свободный университет объявил набор на 56 новых курсов.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Или сдохну на войне, или на паперти в Казахстане»

Ирина Кравцова поговорила с теми мужчинами, кто не хочет воевать, но всё равно остается в России

20:15, 16 августа 2023, Ирина

«Кремль хочет, чтобы путинизм стал универсальной идеологией»

Духовность, геополитика и ядерное оружие: историк Михаил Суслов о том, из чего состоит идеология Кремля – куда менее хаотичная, чем кажется

15:25, 22 июля 2023, Александр

«Думать, что все завязано только на Путине, слишком оптимистично»

Экономист и автор бестселлера «Почему одни страны богатые, а другие бедные» Джеймс Робинсон рассуждает об истоках и неожиданной хрупкости российской диктатуры

11:46, 10 июля 2023, Никита

Военно-раздаточный путинизм

Как создавалось «непробиваемое большинство», равнодушное к войне

15:52, 27 августа 2023, Ирина